

ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Предложение Музея Кондопожского края петрозаводским художникам участвовать в экспедиции на территорию проживания карел–людиков звучало фантастически, как сказка, — «Путешествие в страну людиков». В голове рисовалась неведомая земля, населённая загадочным народом, который почти невозможно встретить, — то ли из-за мифической древности его происхождения, то ли из-за скрытного образа жизни.... В фантазиях, перед группой художников, ведомых опытными проводниками–учёными, расступались леса, горы, и открывалась потаённая страна с диковинными поселениями (как в фильмах) и не менее удивительным героическим народом, представители которого представляются при встрече просто и ёмко — *lyudilaine* (мы — люди).

В реальности в августе 2010 года группа художников из Петрозаводска присоединилась к уже работающей на территории Кондопожского района Карелии экспедиции, в которую входили этнографы, музейщики, фотографы и съёмочная группа (две студентки Санкт-Петербургского университета кино и телевидения). Музейные и научные результаты этой поездки: коллекция этнографических экспонатов, пополнившая фонды Музея Кондопожского края; многочасовые аудиозаписи воспоминаний местных жителей о бытовании народных традиций; свод визуальных материалов (фото и видео), отражающих современное состояние традиционной культуры людиков.

Для художников же итогом поездки и, вообще прикосновения к данной теме, стали творческие работы.... — и выставка, собравшая и обобщившая впечатления, размышления, вопросы, ощущения, быть может, лежащие вне поля точного научного знания, но имеющие прямое отношение к образному миру людиков, мифу о них, метафизическому образу места и его истории.

Собственно ничего исключительного в том, что в краеведческий «полевой» проект пригласили художников, не было. Исторически художники почти всегда присутствовали в научных экспедициях (в до-фотографическую эпоху они полагались по штату), зарисовывая ландшафты, портреты аборигенов, найденные артефакты.

Неожиданным скорее было, то, что пригласили участвовать авторов, занимающихся современным искусством, склонных моделировать иную реальность, документированию предпочитающих интерпретирование окружающего мира в поисках новых смыслов...

«Сказочная страна» встретила нас пост-коммунистическими руинами и пряничным архитектурным новоделом, явно наступавшим в деревнях на остатки северной архитектуры, приедем дачным народом и редкими местными жителями, которые смутно помнили свои людиковские корни. Мы же, наверное, напоминали господина Шлимана, который, вооружившись томиком Гомера и лопатой взирал на унылый холм, заросший кустарником, в турецком Гиссарлыке, пытаюсь представить в этой пустыне залив Эгейского моря и стены героического Илиона. Так же и мы, перечитав карельскую «Илиаду» («Калевалу»), «взялись за лопаты» и, прочесав научную литературу и Интернет, начали искать историко-культурные следы карел–людиков — одного из исчезающих финно-угорских народов России... И это оказалось совсем не просто. Эпоха советского периода Карелии, как ледник, зачистила, перемолола почти весь культурный слой. Нам попадались тут и там материальные обломки бывшей советской империи: брошенные автобусы, гипсовые памятники неизвестному солдату, антиархитектурные административные постройки «городского типа», остатки дорог и странный быт жителей, вечерами включающих динамо-машины для освещения северных изб, увешанных спутниковыми телевизионными «тарелками». И всё это на фоне примет новейших государственных реформ — неработающих солнечных батарей, ветряных электрогенераторов и новеньких телефонных будок, которые встречались в самых фантастических местах: на стенах развалившихся изб, у лесных дорог и, Бог его знает, ещё где... Всматриваясь в домотканые половики, самовары, деревянные грабли, виниловые пластинки, — любовно найденные и собранные музейными специалистами, — художники с растерянностью и надеждой искали в этих артефактах, окружающем ландшафте, лицах жителей, интерьерах изб то архетипическое, специфически людиковское, что ещё в начале XX века несомненно было осязаемым и зримым. Настоящим и подлинным казался язык, на котором по-прежнему говорили старожилы. Но в экспедиции понимающих карельский язык художников не было, и арт-группе пришлось полагаться на талант проводников–переводчиков и свою интуицию.

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ.

Выставка «Путешествие в страну людиков» задумывалась как художественная экспедиция–погружение со сверхзадачей — попытаться осмыслить и визуализировать социокультурный миф об этнической группе карел–людиков. Сегодня в эпоху поиска многими народами собственной этнической идентичности, после геополитических изменений XX века и всеобщей моды на историю (глобальную или малую) реанимирование (или даже создание) художественных мифов по поводу истории какого-то этноса — практика актуальная, но небезопасная. Особенно, если арт-проект задуман как попытка рассказать миру визуальными образами современного искусства о немногочисленной этнической группе статусной национальности. Это тема деликатная, затрагивающая сложный, часто болезненный вопрос межэтнических отношений. Выразительное художественное высказывание художника, изъятое с территории искусства, может оказаться «в умелых руках» политической бомбой. Но оно же может быть креативным источником, стимулирующим новый актуальный взгляд на историю народов и этнические культуры, часто «засушенные» официальной академической наукой или риторикой чиновников и, как следствие, — укоренённые в массовом сознании в виде вульгарной модели: «свой — чужой», «наши — не наши». Собственно, сама концепция проекта «Путешествие в страну людиков», то есть взгляд путешественника на неизученную часть мира карел, тоже заложила вектор интерпретаций «мы и они», но она же позволила и актуализировать, казалось бы, общеизвестные истины о непростых судьбах карельской глубинки и её прошлом. Идея арт-экспедиции в неведомую страну приоткрыла для нас — художников, живущих в Карелии, новые возможности: пусть и в игровой форме, но ощутить себя в родном краю гостем, «чужестранцем»; попробовать открыть для себя жизнь, казалось бы, до боли знакомую... Вглядеться в повседневный быт и традиции сельских жителей, услышать, наконец, мелодику карельской речи... — пережить всё это эмоционально, как в первый раз.

Что важно: именно в путешествиях по неведомым краям, погрузившись в иной контекст, мы открываем для себя не только другой мир, но и себя в новом качестве. Сейчас видится положительным тот факт, что арт-группа состояла вовсе не из представителей титульного коренного населения — карел.

Это позволило художникам — в игровой модели проекта — быть реально путешественниками, гостями, что, в конечном счёте, точно попадало в базовую проектную концепцию «экспедиции на затерянную, малоизученную территорию, населённую народом, отличающимся от нас (не карел) культурной константой и проживающим жизнь по иным социокультурным сценариям». Наша «немота» — не владение карельским языком — заставляла нас острее впитывать информацию и впечатления, испытывать противоречивые ощущения себя одновременно «дома» и «в гостях».

Однако, погружаясь в художественно условную ситуацию «экспедиции», участники арт-проекта обнаружили для себя и более сложные проблемы, лежащие вне художественного контекста. Например, национальные вопросы в многонациональном государстве. В той или иной мере художникам пришлось задуматься и над терминами, устойчивыми научными формулировками, которые в бытовом сознании приобрели совсем не научный смысл, пришлось столкнуться и с практикой различных институций интерпретирования научных данных в угоду разных социальных, политических, экономических и прочих конъюнктур, — что придало проекту реальную остроту и злободневность.

ИНТЕРНЕТ-ИНФОРМАЦИЯ.

Собственно, а что можно найти на официальных сайтах, набрав слова: «финно-угорские народы», «карелы», «людики»? Вот некоторые примеры:

«Все финно-угорские народы являются коренными на своих территориях. Предки финно-угров жили в Восточной Европе и на Урале еще со времен неолита (новый каменный век). От Балтийского моря до Западной Сибири, от лесостепей Русской равнины до побережья Северного Ледовитого Океана — исконные земли финно-угорских и близких к ним самодийских народов. Общепринято считать что финно-угры — этноязыковая общность народов, насчитывающая более 20 миллионов человек».

Карелы «Сложнейшая задача, стоящая перед учеными, — проблема этногенеза карельского племени. Памятники карельской культуры начинаются с XII в. Что было ранее — совершенно неясно. Но памятники эти немногочисленны, невыразительны, не дают этнической картины. Все эти концепции сходятся на предположении, что племя карел сложилось достаточно поздно — в XII в.

Подобное предположение основано на датировке карельской (кексгольмской) археологической культуры, самые ранние памятники которой относятся к XII в. Но имеются веские аргументы в пользу того мнения, что карелы как этническая общность сформировались гораздо раньше.

1. Карельский язык — один из древнейших прибалтийско-финских языков; по данным языкознания он существует по крайней мере с I тысячелетия до н. э., а может быть — и со II тысячелетия до н. э. Язык не мог существовать без племени, которому он принадлежал.

2. Карельский эпос явно очень древний и создан в условиях первобытнообщинного строя, до начала его разложения в I тысячелетии н.э.

3. В пользу большой древности карельского племени говорит и сам факт существования в XII—XIII вв. племени ижора. По своему языку (и по некоторым данным археологии) племя ижора прямо происходит от карел, было обособившейся, отделившейся частью карельского племени.

Где жили карелы в I тысячелетии н. э. (и в I тысячелетии до н. э.)? Где сложилось карельское племя с его языком и культурой? Это совершенно неясно. Если не на Карельском перешейке, то где же были карелы одно-полтора тысячелетия? Мы всё же думаем, что корни карел, решение проблемы происхождения карел археологам надо искать на Карельском перешейке, там их древняя родина».

Людики. «Этногенез людиков, как собственно и вообще карел, остается недостаточно изученным. Общепринятой является точка зрения, что субэтнос сформировался в процессе межэтнического контакта средневековой корелы с весью, а также ассимилировал в процессе этногенеза в средние века автохтонных саамов, что и обусловило в конечном итоге своеобразие языка и культуры. Первым из письменных источников о людиках упоминает датируемый первой половиной IX века Баварский аноним под названием племени лиуди или люди (лат. *liudi*, то есть практически воспроизводит самоназвание в латинской фонетике). Несколько позднее людиков упоминает Ахмед ибн Фадлан в своей книге о путешествии на Волгу в 921—922 годах под названием народа «лууд-аана», в русских средневековых источниках карелы-людики зачастую упоминались под названием людины, без соотнесения с карелами (корелой). Однако ещё существенно ранее, при основании Новгорода один из его концов был назван «Людин», подобно тому, как по имени племени нарвы был назван Неревский конец».

Территория людиков входила в состав Карельского княжества, Обонежской пятины Новгородской земли. Вместе с Новгородской землёй людики вошли при Иване III в состав Московского государства».

Антропологический тип. «Карелы-людики относятся к европеоидной большой расе, её беломоро-балтийскому типу, который характеризуется минимальной монголоидной примесью».

Язык. «Происхождение языка до настоящего времени достоверно не определено, господствующей остается гипотеза, что он сформировался на базе средневекового собственно карельского языка под значительным влиянием вепсского. Он относится к прибалтийско-финской ветви финно-угорской группе языков и классифицируется как агглютинативный язык. В языке присутствует значительное количество заимствований из архаичного вепсского языка. Достоверных сведений о возникновении письменности у людиков не имеется, в XIX веке она уже существовала на основе кириллицы, в 1930-х годах была введена письменность на основе латиницы. В составе людиковского языка выделяются следующие диалекты: кондопожский, пряжинский, михайловский (кууярвский)». «В российской лингвистке язык принято считать диалектом карельского языка, в то время как часть финских лингвистов и большинство западных считают его самостоятельным языком».

ВОПРОСЫ И «БЕЛЫЕ ПЯТНА»

Даже при беглом обзоре информации по интересующей нас теме сталкиваешься с проблемами скудности и неоднозначности доступной научной информации, не говоря уже об её разнополярной интерпретации на различных Интернет-ресурсах: блогах и сайтах. Создалось ощущение, что, имея примерно один и тот же материал, разные научные и околонучные «лагеря» используют его совершенно по-разному, меняя масштаб, координаты и единицы измерения. Можно рассматривать людиков как этнос или субэтнос, а можно как этническую группу, проживающую на такой-то и такой-то территории с такого-то времени. Картинки получаются похожие, но всё же разные. Говорят ли людики на диалекте карельского языка или на самостоятельном языке? Карелы–людики являются коренным народом на своих исконных землях, или они пришли на территорию Карелии только в XII веке н.э.? Таких вопросов «про людиков» очень много, но наша арт-экспедиция ни в коей мере не была нацелена на их скорое прояснение.

Естественно никакой художественный проект не может разом решить глобальных научных проблем и ответить на сложнейшие вопросы истории народов и этносов, тем более оставаясь в рамках художественных задач и избегая политической ангажированности. Мы же своей целью путешественников выбрали создание художественных образов, визуализацию своих впечатлений, полученных в поездке в Кондопожский район, средствами современного искусства. То есть задачей нашей части группы было собрать и переработать метафизику места, попытаться художественными интуитивными средствами восполнить лакуны, не доступные строго научному инструментарию

В ПОИСКАХ ОБРАЗОВ LYUDILAINE

Собранные в «Путешествии...» материалы, информацию, да и просто собственные эмоциональные переживания авторы подвергли «обработке» художественной интуицией, что позволяет говорить скорее о творческих опытах, нежели о научных практиках или даже о синтезе науки и искусства. Наверное, это связано с обстоятельствами самой экспедиции, бывшей для художников ознакомительной. Для работы с новыми научными гипотезами, открытиями, обобщениями собранных в «Стране людиков» данных - того, что могло бы вдохновить творцов как питательная материя для science art проектов, - просто ещё не пришло время. Творческая группа была в уникальной ситуации пионеров, пытающихся формулировать образы-прогнозы, опираясь на свои субъективные впечатления, а не на результаты научных исследований (работы антропологов, археологов, лингвистов, генетиков и др.), которые, может быть, ещё только появятся.

Художникам пришлось принять на себя роль медиаторов, «приборов» фиксирующих почти невидимое уже антропологическое культурное пространство, излучающее затухающий культурный фон, эмоционально его усиливать, определяя источник и направление сигнала. Созданные в результате и представленные на итоговой выставке образы очертили рамки территории данного творческого исследования: от позитивных попыток представить будущее, в котором продолжает жить культура людиков, до драматического переживания утраты самобытного мира и невозможности уловить его исчезающие черты.

Среди визионерских фантазий на тему завтрашнего дня людиков, предъявленных в экспозиции, например, попытка моделирования новой бытовой среды для сельских жителей, будущих карел–людиков — дизайн-проект «Лавка» Владлены Громовой и Артёма Парамонова. В каком-то смысле к проектированию грядущего можно отнести и работы Антонины Юфа. Её рисунки к загадкам людиков — это иллюстрации к фактически несуществующей детской книге; ключи к секретам, которые, в случае умирания языка людиков, могут так и остаться неразгаданными. С этой графической серией перекликается на выставке анимационный проект Екатерины Соловьёвой, также затрагивающий фольклор людиков и являющийся попыткой медиа-визуализации их традиционного сознания.

Проблеме письменности, довольно поздно появившейся у людиков, в каком-то смысле посвящен и проект «Букварь» Екатерины Крупновой. Её цикл монотипий — это своего рода предчувствие письменности людиков, в котором сознание автора превращает предметы из бытовой среды карельской деревни в специфические смысловые коды, знаки. Данная графическая серия являет собой одновременно и полевой блокнот художника с зарисовками найденных в экспедиции артефактов, и попытку ролевого погружения в сознание сельского жителя, для которого бытовые предметы издревле имели символическую нагрузку, были встроены в смысловое поле жизненного цикла.

Почти аналогичную концептуальную конструкцию Сергей Терентьев накладывает на карельский ландшафт, воспринимая его как метафору среды обитания и жизнедеятельной традиции карел-людиков. В его видео-инсталляции реальная местность — дороги, по которым ходили людики, — приобретает подчёркнуто сакральное, ритуальное значение. Повседневный маршрут деревенского жителя он переводит в мифологический символический образ жизненных вех: тропа к ламбе (лесному озеру), водный путь на остров мёртвых, дорога к храму...

Фантастической версией проникновения в бессознательное карельского народа, в генную мифологическую память его предков, живших по берегам озёр и рек, в их магическую связь с водной стихией, рыбами, птицами, зверями — является неформатный видеофильм Дины Четвертной, попытавшейся при помощи аудио- и видео-эффектов передать ощущение современного человека, как будто всё ещё улавливающего сигналы из глубокого прошлого, но уже неспособного их расшифровать, понять их истинный смысл.

Отдельную главу на выставке представляют проекты, буквально посвящённые умирающим деревням, в которых проживают карелы–людики, и северной архитектуре, издревле формировавшей их социокультурный ландшафт. В серии парадоксальных фотоинсталляций Дениса Волгина бумажная архитектура (сама по себе символ идеальной проектной идеи), условно воплощающая образ традиционной северной избы, вставлена в реальный сельский пейзаж, в котором идеи традиционного деревянного зодчества сегодня явно доживают последние дни. Созвучный социально-критический подтекст читается и в живописной серии пустынных пейзажей Ивана Смирнова. Собственно, сама избранная им форма выражения: традиционная станковая живопись (картина) в окружении медиа-проектов, — лишь усиливает трагическую ноту звучания темы исчезновения традиционной карельской деревни.

Заглавным проектом на выставке, обобщившим разные оттенки смыслов и авторских интерпретаций, пожалуй, можно назвать видеоинсталляцию Натальи Егоровой «Полустёртый текст», рассказывающую языком современного искусства об исчезновении целостного этнокультурного мира людиков, о тщетности наших усилий увидеть общее «тело», а не только разрозненные фрагменты их повседневной культуры, самобытного уклада жизни. Лишённый иллюзий и пафоса этот проект выражает общее тревожное ощущение художников от столкновения с реальностью сегодняшнего дня карельской деревни, обеспокоенность за будущее этого уникального мира.

*Сергей Терентьев, куратор
художественной части проекта*